

все это относится к низким голосам. Главному дирижеру таллинского театра Э. Класу свойственны целеустремленность, желание не размениваться на дешевые эффекты. Его почерк встретил отклик у французских оркестрантов.

Бросается в глаза, что в эстонской постановке художественное оформление точно соответствует суровой и нарочито безыскусной музыке первой редакции оперы. Хотя царь и бояре облачены в роскошные одежды, декорации трудно назвать изысканными (художники Валерий Левенталь и Марина Соколова). Они выполнены в основном из дерева, и Москва в них выглядит такой тесной и провинциальной, что понимаешь, почему меньше чем через сто лет Петру Великому понадобилось строить новую столицу.

В отличие от эстонского спектакля, который характеризует прежде всего однородность и где единству цели отвечало единство художественного выражения, спектакль в «Гранд-Опера» выглядел скорее пестрым. Труппа состояла из французских и иностранных исполнителей. Постановка и декорации П. Ионеско были яркими, почти кричащими, что не всегда себя оправдывало, и общему замыслу иногда вредили некоторые ненужные изощрения. Паата Бурчуладзе, исполняющий партию Бориса в этой постановке, за последние несколько лет составил себе имя в ведущих оперных театрах Европы. Грузия считается в СССР центром бельканто, где воспитываются, формируются певцы чисто итальянского стиля. И Бурчуладзе не исключение. У него монументальное телосложение и безупречный, великолепно поставленный голос, обладающий стихийной

силой и свободным звучанием. Но для роли Бориса это само по себе недостаточно, и в свои 33 года Паата Бурчуладзе, возможно, еще слишком молод, чтобы глубоко вжиться в образ мучимого угрызениями совести царя. Однако он вдумчивый артист, и, несомненно, ему суждено стать великим исполнителем этой партии. Обидно, что во вторую редакцию оперы П. Ионеско внесла некоторые неоправданные изменения. Так, ею восстановлена сцена на площади перед храмом Василия Блаженного, опущенная Мусоргским. Зачем? Ведь это и есть одно из основных различий между первой и второй редакциями. Более того, Юродивому приходится петь свой плач «Горе, горе Руси» дважды. Невольно возникает вопрос: как ему удалось для этого перенестись из Москвы в Кромы на расстояние нескольких сотен километров? Когда Григорий рассказывает сон, приснившийся ему в монастыре, изображение этого сна в лицах представляется удачной находкой. Однако когда Шуйский закалывает Федора, сына Годунова, сразу после смерти царя, это становится неоправданным мелодраматическим искажением истины: в пушкинской трагедии нет ничего подобного, и в действительности Федор прожил еще несколько месяцев, прежде чем Шуйский избавился от него.

Нынешний показ двух «Борисов» в Париже можно назвать юбилейным — ведь он состоялся через 80 лет после того, как Сергей Дягилев на сцене «Гранд-Опера» впервые познакомил западную публику с русским произведением. Опера была показана тогда во второй из двух редакций Римского-Корсакова, партию Бориса пел Шаляпин.